

1. Аристотель. Никомахова этика // Аристотель. Сочинения : в 4 т. / пер. с древнегреч.; общ. ред. А.И. Доватура. М., 1983. Т. 4. 830 с.
2. Бентам, И. Введение в основание нравственности и законодательства / И. Бентам. – М., 1998. – 415 с.
3. Бердяев, Н.А. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности / Н.А. Бердяев. М., 1990. 240 с.
4. Бобков, В.Н. Качество жизни: вопросы теории и практики / В.Н. Бобков, П.С. Мстиславский. М., 2000. 31 с.
5. Гельвеций, К.А. Сочинения : в 2 т. / К.А. Гельвеций. М., 1974. Т.2. – 687 с.
6. Гоббс, Т. Избранные произведения : в 2 т. / Т. Гоббс. М., 1964. Т. 2. 583 с.
7. Давыдова, Е.В. Измерение качества жизни / Е.В. Давыдова, А.А. Давыдов. М., 1993. – 52 с.
8. Джеймс, У. Воля к вере / У. Джеймс ; пер. с англ. С.И. Церетели и др. / сост. Л.В. Блинные, А.П. Поляков. – М., 1997. – 431 с.
9. Ильин, И.А. Спасение в качестве / И.А. Ильин // Антология русского качества / сост. Б.В. Бойцов, Ю.В. Крынев и др. М., 2000. С. 1014.
10. Кант, И. Антропология с прагматической точки зрения / И. Кант. – М., 2002. – 471 с.
11. Лига, М.Б. Качество жизни как основа социальной безопасности: монография / М.Б. Лига ; под ред. М.В. Константинова. М., 2006. 223 с.
12. Лосский, Н.О. История русской философии / Н.О. Лосский. М., 2000. 496 с.
13. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М., 1985. Т. 3. 639 с.
14. Платон. Сочинения : в 3 т. М., 1971. Т. 3. Ч. I. 687 с.
15. Социализм и народное благосостояние. М., 1976. 446 с.
16. Спекторский, Е. Понятие общества в античном мире. Эюд по семантике обществоведения / Е. Спекторский. Варшава, 1911. 134 с.

Л.Н. Батянова

Иркутск

Гражданское общество: особенности структуры и функционирования

This article is devoted to the particularizes of structure and function of civil society. Treatment of notion of civil society, conditions of its beginning and existence are considered here.

Гражданское общество является одним из принципиальных объектов, исследуемых социальной наукой. Вместе с тем, до настоящего времени не существует однозначной оценки как самого этого феномена, так и условий его возникновения и функционирования.

Довольно часто (особенно в массовом сознании) возникновение гражданского общества воспринимается как закономерный результат поступательного развития общества, в ходе которого одерживают последовательные триумфы рациональность и гуманизм. Однако многообразие социально-политической практики позволяет усомниться в «естественности» этого типа социального устройства. Это же многообразие определяет и разноречивость трактовок данного феномена. В качестве основ гражданского общества разные исследователи определяют разные сферы: экономическую, политическую, правовую, этническую, религиозную. А. Фергюсон в XVIII веке определял «гражданское общество» как состояние цивилизованности (civility) и как последствие процесса цивилизации [14]. В теоретическом плане этот подход находит продолжение в работах А.Грамши, который утверждал, что область гражданского общества находится между принудительными государственными

отношениями и экономической сферой производства. Отношения между государством и гражданским обществом он рассматривал в трех исторических контекстах:

- вариант подчинения гражданского общества государству (Россия дореволюционного и послереволюционного периода);
- вариант сбалансированных отношений между государством и гражданским обществом (развитые страны Запада);
- вариант гегемонии гражданского общества над государством и экономикой (возможная модель будущего) [3].

Близок к указанному подходу и немецкий социолог Ральф Дарендорф, который полагает, что гражданское общество является общим знаменателем подлинной демократии и эффективной рыночной экономики [4].

Вместе с тем и Р.Дарендорф и такие социологи, как Э.Шилз, Э.Геллнер, близки в том, что для возникновения гражданского общества, по их мнению, нужны определенные условия. Дарендорф полагает, что к таким условиям относятся прежде всего установленные самим государством демократические «правила игры» – соответствующие законы, благодаря которым формируются демократические структуры [4].

Американский социолог Эдвард Шилз полагает, что «коль скоро свободное общество возникает, оно должно покоиться на традиции» [15]. А английский социолог Эрнст Геллнер утверждает, что всякий демократический строй должен иметь глубокие корни и традиции [2]. Таким образом, последние авторы в качестве определяющих называют факторы, относящиеся в значительной степени к ментальности, внутренним этнопсихологическим характеристикам того или иного национально-культурного образования.

В отечественной политической науке взгляд на гражданское общество сегодня сводится к двум основным позициям.

Сторонникам одной из них это общество видится как состояние или модель, которую необходимо создать на пути к свободному рынку и демократии. В их трактовке это – система самостоятельных и независимых от государства общественных институтов, организаций и объединений, которые выражают разнообразные частные интересы и потребности людей и создают условия для их реализации (К.Гаджиев и др.).

В соответствии с другим подходом под категорией «гражданское общество» понимаются все современные модификации общества, возникшие вследствие промышленных и политических революций конца XIX – начала XX века. Гражданское общество здесь трактуется как форма общения людей в рамках современной промышленной цивилизации или как состояние общества, образованного из социальных классов и слоев, которые располагают собственными, независимыми от государства источниками существования (В.Библер и др.). Как можно заметить, в обоих вариантах выделяются признаки, которые скорее дополняют, чем противоречат друг другу: в первой трактовке подчеркивается независимость от государства различных институтов, организаций и т.д., а во второй – источников доходов и существования социальных структур [8].

Что же такое гражданское общество? В широком смысле слова – это то, что не является государством, до чего как бы «не доходят его руки». Оно обособляется с появлением государства как автономная, непосредственно от него не зависящая сфера. Эти характеристики позволяют исследователям иногда делать выводы о том, что гражданское общество совместимо не только с демократией, но и с авторитаризмом, исключением является лишь тоталитаризм [7].

Такой подход представляется не совсем верным по двум основаниям. Во-первых, если гражданские институты призваны опосредовать

взаимоотношения личности и государства и если такое опосредование является гарантией индивидуальной свободы, то очевидным представляется, что наиболее естественной средой для такого рода социальных отношений является именно демократия. Разумеется, здесь может возникнуть вопрос о том, что понимается под «свободой» в различных обществах, но такая постановка вопроса неизбежно приведет к необходимости истолкования и специфики гражданского общества в тех или иных социокультурных условиях и к вопросу о применимости данного понятия вообще. С учетом того, что гражданское общество предполагает все же достаточно конкретные вещи (свобода самореализации, свобода объединений, свобода слова, право на информацию и т.д.), ставить вопрос о его возможности в любых социально-политических условиях, видимо, не совсем корректно. Во-вторых, тоталитаризм, в его отчетливом виде, существует лишь на страницах известного романа Д.Оруэлла «1984». В реальности же возможны только более или менее естественные формы авторитаризма, а потому выделение тоталитаризма в качестве методологического и онтологического критерия гражданского общества представляется искусственным.

Итак, «естественность» гражданского общества проблематична. Оно должно основываться на традициях, и в качестве одной из таких традиций, краеугольным камнем этого феномена является свобода. Под «свободой», в свою очередь, в современном общественном сознании понимаются такие вещи, как: материальное благосостояние, «приватное место» (Х. Аренд) неотчуждаемая индивидуальность.

При характеристике свободы общественного масштаба этот ряд дополняется идеологическим плюрализмом, экономической децентрализацией, наличием «определенного общего образования» (М.Дюверже), а также необходимым присутствием «модульного человека» (Э.Геллнер) – индивида, в известном смысле «никому ничем не обязанного».

Часто встречается стремление перевести «материальную независимость» из рядового в основополагающие факторы индивидуальной и общественной свободы, следствием чего является ситуация, при которой главным условием и основным катализатором процесса демократизации считают возникновение в обществе «нового среднего класса», многочисленного и экономически сильного социального слоя, стремящегося политически обезопасить свой материальный успех. В действительности же появление этого слоя само по себе еще не обуславливает его

стремления к политическим преобразованиям в духе либерализма, к гарантированности своего «приватного места». Очевидный и довольно банальный пример тому – некоторые богатые страны арабского Востока, (в основном – экспортеры нефти), остающиеся, несмотря на высокий уровень жизни, абсолютными монархиями, как Оман, наследственными эмиратами, как Кувейт, или «демократиями для эмиров», как ОАЭ.

Действительно, складывающееся свободное общество должно опираться на соответствующие традиции. И если таковые отсутствуют, то возникновение последнего весьма сомнительно, даже если вся интеллектуальная элита во главе с шейхом получила образование в Оксфорде или Кембридже. (Здесь возникает также интересная проблема формирования национальной интеллигенции в «традиционных» обществах и ее роли в конструировании политических систем у себя на родине. Известно, что в одних случаях элита, получившая западное воспитание и образование, возглавив впоследствии антиколониальные и модернизационные процессы в своих странах (Турция, Индия, Алжир) не распространила противопоставление на форму политической организации общества, в результате чего там была принята западная, демократическая модель; в других же странах национальная элита вполне успешно консервировала существующие формы политических и социальных связей. При этом возникла весьма своеобразная коллизия в тандеме ментальных и экономических факторов, когда в одном случае демократическое устройство не дает экономического процветания, в другом – последнее не детерминирует либеральные преобразования. Образно говоря, часть Дар-аль-Ислама, обладающая нефтью – это Али-Баба со своим счастливым «сезам», или Алладин, нашедший чудесную лампу, все же остальные – те, кому «не повезло»).

Фактор «экономической детерминации» очень часто привлекается для объяснения процессов демократизации в «новых индустриальных странах» АТР, где за либерализацией политической структуры и общественной жизни априорно признается ее сугубо «западное» происхождение, безусловная «современность» (если воспользоваться термином «социологии развития»). Считается, что эти процессы в принципе не могут иметь конструктивной поддержки со стороны традиционных социокультурных факторов китайско-конфуцианского ареала. Э. Шилз, говоря о традициях либерализма, имел в виду прежде всего страны устоявшихся демократий, не распространяя этот вывод на азиатский регион. О.А. Кармадоновым была в свое

время была предпринята попытка продемонстрировать, что модернизация в НИС Азии (Тайвань, Ю.Корея, Индонезия) опирается на определенные социокультурные традиции не только в сфере хозяйственных преобразований (что сегодня считается «общим местом», но далеко не так очевидно было еще лет 10 назад), но и в деле демократизации данных обществ. «Обретя новые формулировки (точнее – вообще их «обретя»), вооружившись в известной степени западным категориальным аппаратом, воплощаясь в системе «современных» политических институтов, из органичной данности превратившись в «осознанную необходимость», реализуются сегодня в АТР традиции личной свободы и незакрепощенного сознания, традиции активного и творческого действия, обусловившие «развитие идеи свободы» в сегодняшней Азии [5].

Разумеется, все сказанное несколько не умаляет значения собственно экономической модернизации. Более того, последняя в случае подкрепления и обоснования соответствующими социокультурными традициями создает необходимые предпосылки для последующей либерализации общественно-политической структуры. Характерной чертой в процессе экономических преобразований, по мнению отечественного исследователя Р.М.Абрамса, является то, что зачастую «успешная индустриализация не требовала либеральных учреждений – ни свободного рынка, ни демократических институтов» [1].

Добавим, что в некоторых странах индустриализация не просто «не требовала» либеральных учреждений, а более того – исключала подобные учреждения. Такого рода ситуация сложилась, например, во второй половине XIX века в Германии и Японии, а также в период другого «вызова эпохи» (А.Тойнби) – «великой депрессии» 30-х гг. нашего столетия, когда стало очевидным банкротство господствовавшей системы хозяйствования и общественных отношений. В эти годы даже наиболее «традиционным» демократиям пришлось поступиться известной долей своего либерализма, не говоря уже о странах, где эти традиции были весьма хрупки (Италия, Германия, Испания, Португалия, страны Южной Европы). Действительно, для того, чтобы дать на этот «вызов» адекватный «ответ» многим государствам понадобились авторитарные или полуавторитарные режимы. В этот период кейнсианская экономическая концепция, (противовес «манчестерской школе» и принципу *laissez-faire*) с равным успехом внедрялась и в Германии Гитлера и в Америке Рузвельта.

В этой связи представляется чрезвычайно упрощенным и необоснованным бытующее до сих

пор в отечественной литературе по Новейшей истории стран Европы и Америки разделение предвоенного западного мира на страны «буржуазного реформизма», «правительства Народного фронта» и «фашистские режимы». Дело в том, что в указанной литературе два последних типа охарактеризованы по форме политической власти, а первый – по характеру социально-экономической политики.

Общее крушение либералистского мифа в 30-40-е годы XX в. и множество вопросов, предъявленных в связи с этим самому понятию свободы, закономерно нашли свое отражение не только в области хозяйственных и общественно-политических отношений, но и в сфере социально-философского поиска. Здесь в целом было получено два «ответа». Первый дал европейский (французский, прежде всего) экзистенциализм, который, с некоторого рода мазохистским чувством, призвал признать в качестве безусловного объективного факта хаос и неупорядоченность этого мира, «заброшенность» человека, что обесмыслило, по сути дела, понятие истины, а вместе с ней и всего остального, в том числе и свободы.

Второй «ответ» дал американский прагматизм, не поставивший само понятие истины под сомнение, но провозгласивший ее относительность и утилитарность, одновременно утвердивший правило «фальсифицирования» как норму. Фальсифицированное традиционалистское понятие свободы заставило Джона Дьюи заявить: «Мы живем в политических и экономических условиях, неблагоприятных для сохранения демократии» [13]. Позже другой американский мыслитель В. Барух добавил: «Единственная свобода, которой мы можем обладать, – это свобода самодисциплины» [12]. И уже эту трактовку не ставили под сомнение ни неолиберализм, ни неоконсерватизм. Что касается «корпоративной» же демократии (классовое соглашение и социальные гарантии), провозглашенной Д.Дьюи, то уже почти полвека она является общественно-политической реальностью западного мира.

Видимо, именно в силу такой мировоззренческой трансформации Запада авторитарные режимы, которые стали проводниками и гарантами «вторичной капиталистической модернизации», в Азиатско-Тихоокеанском регионе в 60-70-е гг. воспринимались достаточно спокойно и получили несколько эвфемистическое (но верное, по сути) наименование «диктатур развития». Кроме задачи хозяйственных преобразований, эти режимы выполнили еще одну, не менее важную функцию – подготовку фундамента бу-

дущего гражданского общества, выразившуюся в создании квазидемократической инфраструктуры – парламента, механизма выборов, «многопартийности» и т.д.

Именно эту сторону авторитаризма имел в виду М. Дюверже, когда еще в 1958 г. писал о том, что в подобных условиях единственная партия может проводить первичное «политическое оформление» масс, которое позволяет постепенно внушать им определенные политические представления, ликвидировать все феодальные пережитки и создать необходимые экономические и социальные условия для будущего развития политической свободы».

Со второй половины 80-х гг. созданный в Южной Корее, Индонезии, на Тайване и в Сингапуре каркас гражданского общества стал обростать и в вертикальной и в горизонтальной плоскостях живой плотью либерализующихся общественных отношений, наполняясь действительным содержанием – свободой слова, свободой выбора, различными общественными ассоциациями и движениями. Этот процесс не есть, разумеется, сплошная, непрекращающаяся гармонизация, он протекает не без сложностей, к которым относятся прежде всего усилившийся сепаратизм (особенно на Тайване, где потомки коренного населения – гаошань – требуют выделения в административную автономию) и резко осложнившаяся криминогенная ситуация. В целом тем не менее есть основания полагать, что демократизация в этих обществах завершится вполне успешно, для этого есть все предпосылки – от социокультурных традиций («отсутствие традиций несвободы») до мощного экономического базиса.

Схема «первичного политического оформления масс» применима вполне и к России. Придя к власти, большевики также создали в обществе квазидемократическую ситуацию, которая определенным образом выполняла задачу ликвидации феодальных пережитков в полуграмотной стране, с неразвитой политической и правовой культурой. Дефициту этого в национальном сознании, по мнению российского философа Э.Ю. Соловьева, «соответствовал дефицит правопонимания в отечественной философии, тесно связанный с ее этикоцентризмом и проповедью абсолютного» [9]. В целом за 70 лет советской власти существовавшие «демократические» институты утвердили в обществе представление о своей легитимности и обоснованности. В известном смысле это стало результатом создания в советском обществе «традиций свободы». Однако ничего не было сделано для появления другого фермента будущей реальной демокра-

тии — экономически независимой личности, точнее, было сделано все для её «непоявления». В итоге остался один «пустой» каркас демократии, проект, схема возможного «открытого общества». Сегодня заполнение содержания российской демократии реальным содержанием идет с большими сложностями, обусловленными общей социальной нестабильностью, которые вкупе с преждевременными либералистскими претензиями могут стать для этой неустойчивой конструкции непосильным грузом. Созданная в постсоветском российском обществе формальная демократия далеко не является гарантией существующей новой свободы. Последняя, не подкрепленная экономически и слабо защищенная гражданскими институтами (которые «должны, — по словам К.Ясперса, — следить за тем, чтобы демократия не была уничтожена демократическими средствами, чтобы свобода не была изгнана свободой») [11], находится под постоянной угрозой упразднения, инициатором чего может стать сам *vox populi*. И все же оптимистичный взгляд в будущее России позволяет признать, что любые смысловые и материальные универсумы поддаются конструированию и переконструированию. Социальная же реальность действительно «пластична», разумеется, при условии жизнеспособности оформляющих ее конструкций, поскольку все традиции и предпосылки, в конце концов, создаются однажды самими людьми.

«Осуществление идеи свободы» (Гегель) представляется обычно в виде процесса последовательной эмансипации человека — от трансцендентного, от мирской власти, от материальных факторов. Зачастую (в особенности — среди неопитов либерализма) западные страны предстают едва ли не как «острова блаженных», где свобода индивида безусловна и священна (сакрализована, за счет других, десакрализованных сфер). Между тем, собственно в западном обществоведении далеко не все исследователи воспринимают сегодняшнюю ситуацию столь радужно. М.Дюверже, Ч.Р.Миллс, П.Бурдьё, А.Грамши, П.Шампань и другие авторы подчеркивали и подчеркивают неоднозначность и проблематичность индивидуальной и общественной свободы в западном мире.

Их рассуждения в целом можно свести к признанию непреходящей доминирующей роли го-

сударственной власти, а также власти политической и экономической элит. Они правильно считают, что отношения господства и подчинения в обществе носят сегодня во многом завуалированный, опосредованный характер. Насилие как имплицитная функция верхнего эшелона общественной иерархии стало «символическим», более проявляется в эмоционально-психологическом плане, а также более диверсифицированным. Иначе говоря, людей сегодня побуждают не просто к определенному виду лояльности и электорального поведения, но и к определенному образу жизни, образу производства и образу потребления. Последнее обусловлено тем, что «еще одним проводником культурных форм интеграции оказывается частный бизнес как производитель символически значимых потребительских товаров» [10].

Современную, опосредованную форму принуждения в обществе отмечает Э.Геллнер, когда пишет о том, что «новая социальная система получила в свое распоряжение неограниченные средства для социального подкупа» [2]. Впрочем, британский ученый высказывает и мнение, которое не совсем согласуется с его амплуа «певца свободы», отстаивая необходимость в гражданском обществе «умелого манипулирования иллюзиями», которые должны «дать приращение суммарного человеческого счастья» [2], легитимируя таким образом символический характер насилия в «современных» обществах.

Несколько неожиданно подошел к данной проблеме Юрген Хабермас, рассматривавший «систематически искаженную коммуникацию и тонко легитимированную репрессию как... условие возникновения эмансипационного интереса», как условие последующего противостояния отношениям «доминирования».

Таким образом, если история действительно есть процесс осуществления идеи свободы, она в то же самое время есть и процесс осуществления идеи власти. И именно гражданское общество позволяет сохранять определенный баланс между автократическими тенденциями государства, с одной стороны, и эгоистическими устремлениями индивида, с другой. В силу сказанного такая форма социальной организации представляется наиболее привлекательной.

1. Абрамс Р.М. К вопросу об изучении истории индустриализации. — В сб.: Экономическая история. — М., 1992. — С.62.

2. Геллнер Э. Условия свободы. — М., 1995. — С.155.

3. Грамши А. Тюремные тетради. — М., 1991.

4. Дарендорф Р. Дорога к свободе: демократизация и ее проблемы в Восточной Европе // Вопросы философии. — 1990. № 1. — С.74.

5. Кармадонов О.А. Социокультурные факторы и их воздействие на процессы демократизации в НИС АТР и России // Взаимоотношения народов России, Сибири и стран Востока: история и современность. Международная

научно-практическая конференция. - Москва-Иркутск, октябрь 1995.

6. Кейнс Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег. - Антология экономической классики: В 2 т. - М., 1993. - С.62.

7. Основы политической науки: Учебное пособие. - М., 1993. - Ч.1. - С.219.

8. Политическая социология. - Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. - С.231.

9. Соловьев Э.Ю. Дефицит правопонимания в русской моральной философии. - Прошлое толкует нас. - М., 1991. - С.231.

10. Шадсон М. Культура и интеграция национальных обществ // Международный журнал социальных наук. - 1994. - № 3. - С.91.

11. Ясперс К. Истоки истории и ее цель. - Смысл и значение истории. - М., 1991. - С.179.

12. Baruch B. Philosophy of our Time. - N.Y., 1954. - P.36.

13. Dewey J. Problems of Men. - N.Y., 1954. - P.36.

14. Ferguson A. An Essay on the History of Civil Society. - Edinburgh, Edinburgh University Press, 1966.

15. Shils E. Tradition. - London, 1981.

Ж.И. Дарханов

Улан-Удэ

Проблема национальной идеи в имперологии

В постсоветское время вопрос о национальной идее обходили стороной, боясь нападок со стороны либералов-западников. Любые стремления сформулировать национальную идею воспринимались как попытки восстановления коммунистической идеологии. Сторонники имперской национальной идеи были вытеснены в оппозицию, а сам термин «империя» стал нарицательным и нес негативный оттенок («империя зла»). Однако после 2000 года ситуация изменилась. Имперская идея стала востребована самой властью, и вопрос о национальной идее стал вновь актуальным. Но современные условия требуют переосмыслить саму имперскую идею, которая нуждается в ясном самоопределении по ключевым для нее вопросам.

В действительности основания для разногласий сводятся к одному общему вопросу – вопросу о самоидентификации империи. Этот вопрос тесно связан с проблемой самосознания имперской нации. Дело в том, что в современной России сложились оптимальные условия для формирования имперского национального самосознания. Здесь следует отметить, что под «имперской нацией» понимают как великороссов – носителей имперского наследия, так и все население России. Эта неоднозначная трактовка имперской нации связана с проблемой самоидентификации Российской империи. Данная проблема охватывает все уровни идентификации – этнический, религиозный, цивилизационный и геополитический уровни. Существуют два различных подхода к феномену Российской империи, внешне схожих, но отличающихся по своей сути – византизм и евразийство.

При поверхностном анализе византизм и евразийство представляют собой одно и то же на-

правление. Представители этих направлений сходятся в общей идее Российской империи как великой исторической сверхдержавы, образующей самостоятельный цивилизационный полюс, наделенной уникальной эсхатологической миссией, исполнению которой посвящена вся жизнь имперской нации и всей соответствующей цивилизации. Идея великой Империи, объединяющая византийцев и евразийцев, создает иллюзию родственности этих направлений. Однако при внешнем сходстве византизма и евразийства, существует внутреннее различие. «Византийцы» и «евразийцы» по-разному объясняют историю зарождения Российской империи. Это исконное противоречие порождает собой череду последующих разногласий. Изначально разойдясь в мнении о генезисе империи, византийцы и евразийцы по-своему трактуют исторические цели империи, ее эсхатологическую миссию, способы существования.

Разные подходы к познанию генезиса империи определяют противоречие в вопросе об исторических корнях Российской империи. Так, евразийцы, а позднее неоевразийцы взяли на вооружение идею географического детерминизма. Традиция геодетерминистской мысли имеет богатую и глубокую историю, и вовсе не лишена определенной правоты. В России эта традиция была представлена знаменитой работой Николая Данилевского «Россия и Европа» (1870), которая задолго до Шпенглера и Тойнби предложила ту самую теорию несоизмеримых «культурно-исторических типов», которая сегодня называется «цивилизационным методом». В этой работе Данилевский противопоставляет Россию Европе как «славянский тип» «романо-германскому типу». В отличие от евразийцев,